

УДК 343.123

*И.А. Гороя, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД
Республики Беларусь*

**НЕДОКАЗАННОСТЬ ИЛИ НЕСОВЕРШЕНИЕ?
О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ПО ОСНОВАНИЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОМУ ч. 2 ст. 250
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Подвергается анализу недоказанность участия подозреваемого в совершении преступления как основание к прекращению уголовного преследования. С целью выявления его уголовно-процессуальной сущности и внесения предложений по совершенствованию законодательного формулирования рассмотрены исторические этапы формирования данного основания к прекращению уголовного преследования, подвергнут анализу опыт российского законодателя, а также взгляды ученых-процессуалистов на проблемы применения этого основания, пути их решения. Предложено авторское видение формулировки рассматриваемого основания к прекращению уголовного преследования в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь.

The article is subjected to the analysis of the failure to prove the participation of a suspect in the commission of crime as a basis for the termination of the criminal prosecution. In order to determine the criminal procedural nature of this concept and make any legislative proposals to improve its formulation, the author studies the historical stages of the formalization of this reason for the termination of the criminal prosecution, evaluates the experience of the Russian lawmakers, as well as the views of scientists in the sphere of the Criminal Procedural Law on the problems of the application of this reason and suggested ways of their solution. The author's vision at the definition of the analyzed reason for the termination of criminal prosecution in the Code of Criminal Procedure is suggested.

В ч. 2 ст. 250 УПК формулируется основание к прекращению уголовного преследования: при недоказанности участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств, против них прекращается уголовное преследование в связи с несовершенством ими того предусмотренного уголовным законом деяния, которое им выдвигалось в подозрении или обвинении.

Данное основание к прекращению уголовного преследования требует более глубокого изучения в целях переосмысления его формулировки с точки зрения юридической техники, а также приведения ее в соответствие с гносеологической природой данного основания.

Формирование сущности рассматриваемого основания к прекращению уголовного преследования началось еще со Статута Великого княжества Литовского 1529 г. Так, в случае недостаточности доказательств и необходимости применения пытки подозреваемый имел право откупа, что, однако, не означало признания его виновным и освобождало от дальнейшего преследования [9, с. 215]. Действовавшее законодательство по Своду законов Российской империи 1832 г. разрешало оставлять подсудимого в подозрении, если достаточных доказательств было не добыто, однако имелись какие-то улики [15, с. 35–36]. УПК РСФСР 1922 г., действовавший на территории Беларуси, в ст. 206 указывал на необходимость прекращения предварительного следствия при недостаточности собранных по делу доказательств для предания суду лица [14, с. 51]. УПК БССР 1960 г. в ст. 208 «Основания к прекращению уголовного дела» как самостоятельное основание называл заимствованное из УПК 1927 г. основание к прекращению «при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств» [12, с. 164].

В практической деятельности основание к прекращению уголовного дела, содержащееся в п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК 1960 г., вызывало затруднения правоприменителя. Так, В.В. Соловьев отмечал, что при решении вопроса о прекращении уголовного дела при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления возможны два варианта – полное или частичное прекращение дела. При этом «следователь должен четко различать две ситуации: а) совершение данного деяния другим лицом не исключается; б) совершение данного деяния иным лицом исключено. В первом случае преступление является нераскрытым и дело прекращается лишь в отношении реабилитируемого. Во втором случае практика справедливо относит такие преступления к числу раскрытых и уголовное дело прекращается полностью» [8, с. 15]. Как видим, второй случай сродни оставлению в подозрении, т. е., прекращая производство по уголовному делу в таком случае, правоприменитель полагает, что преступление совершено лицом, в отношении которого осуществляется применение рассматриваемого основания прекращения, однако в силу исчерпанности возможностей доказывания производство по уголовному делу под-

лежит прекращению полностью. Как отмечал В.З. Лукашевич, «эти два случая сейчас объединены в одном основании, которые фактически даже невиновных реабилитируют не полностью...» [5, с. 55].

Формулирование рассматриваемого основания по УПК БССР 1960 г. в ст. 208 «Основания к прекращению уголовного дела» привело исследователей данного вопроса к мнению о необходимости его совершенствования для устранения законодательной неопределенности, выразившейся в следующих аспектах.

Первый из них заключался в вопросе о том, следует ли прекратить уголовное преследование или производство по уголовному делу полностью. Вторым аспектом, требующим законодательного разрешения, касался статуса лица, в отношении которого могло быть применено указанное основание. Третий выражался в необходимости изменения словосочетания «недоказанность участия» лица, используемого при формулировании основания, поскольку такая формулировка не исключает сомнения в его виновности, а по смыслу близка к «оставлению лица в подозрении».

С принятием УПК Республики Беларусь 1999 г. законодатель разрешил первое противоречие, закрепив в ч. 2 ст. 250 УПК норму, смысл которой заключается в том, что после прекращения уголовного преследования при недоказанности участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления предварительное расследование по уголовному делу продолжается, а по истечении срока производство по уголовному делу приостанавливается в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Законодательное разрешение второго из указанных нами аспектов нашло свое отражение в том, что для прекращения уголовного преследования по рассматриваемому основанию правоприменителю не нужно ставить лицо, в отношении которого оно осуществлялось, в статус обвиняемого, если вывод о несовершенности общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, может быть получен на этапе, когда лицо находится в статусе подозреваемого, до предъявления ему обвинения.

Анализ научных разработок, направленных на совершенствование изучаемого нами основания, позволяет выделить мнение, относительно которого указание статуса лица при формулировании обозначенного основания считается ошибочным, поскольку ограничивает сферу его применения лишь в отношении лиц, статус которых прямо указан в норме. Так, российский исследователь Д.М. Сафронов полагает более предпочтительным вместо указания на процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого использование процессуально нейтрального слова «лицо». Он обосновывает свою позицию тем, что использование рассматриваемого основания в таком случае будет возможно в отношении лиц, к которым применяется производство следственных действий с элементами принуждения, например обыск или выемка, или в отношении которых применяются меры процессуального принуждения, а данные лица не являются подозреваемыми или обвиняемыми [7, с. 92]. Однако мы не можем согласиться с таким подходом, поскольку указание при принятии решения о прекращении уголовного преследования правоприменителем на статус лица является необходимым условием применения данного основания, определяющим объем прав лица в зависимости от статуса, занимаемого им на момент вынесения постановления о прекращении, что впоследствии дает ему право обратиться к органу, ведущему уголовный процесс, за возмещением вреда.

Третий аспект, указанный нами, до настоящего времени в уголовно-процессуальном законе не нашел своего окончательного разрешения. Формулировка рассматриваемого основания прекращения уголовного преследования, содержащаяся в ч. 2 ст. 250 УПК, состоит из двух частей, заключенных в одном предложении. Так, первая часть предложения гласит о необходимости прекращения уголовного преследования против подозреваемого или обвиняемого при недоказанности их участия в совершении преступления. Вторая часть предложения поясняет, что уголовное преследование прекращается в связи с несовершенством ими того предусмотренного уголовным законом деяния, которое им выдвигалось в подозрении или обвинении. Таким образом, имеется конкуренция норм, поясняющих один и тот же факт – причину прекращения уголовного преследования.

В правоприменительной практике, а также при использовании ссылки на рассматриваемое основание в других нормах УПК, например в ч. 2¹ ст. 368 УПК, наиболее употребимым является словосочетание «недоказанность участия». Критические замечания по поводу несовершенства

используемой конструкции, основой которой является данное сочетание, высказывали ученые-процессуалисты еще до выхода в свет УПК 1999 г.

Такие процессуалисты, как В.З. Лукашевич, Г.М. Резник, отстаивали точку зрения о том, что в случае доказанности совершения преступления не обвиняемым, а иным лицом первый должен быть реабилитирован за недоказанностью участия в совершении преступления, однако прекращение в подобном случае за недоказанностью не отражает его существа и, естественно, вызывает обоснованные возражения со стороны реабилитированного и заинтересованных в его судьбе лиц [5, с. 55; 6, с. 11]. По мнению Б.Т. Безлепкина, такая формулировка наводит на мысль о виновности лица, которое не удалось изобличить, поэтому, хотя применение данного основания по своим юридическим последствиям совпадает с действовавшими основаниями прекращения – в связи с отсутствием события или состава преступления, оно менее благоприятно, так как создает реабилитированному репутацию «непойманного вора» [1, с. 8]. Такие ученые, как П.М. Давыдов, Д.Я. Мирский, Н.Г. Стойко, в своих работах выступали за включение в уголовно-процессуальный закон еще одного основания – непричастности обвиняемого к совершенному преступлению [3, с. 63–64; 10, с. 84–87, 100]. В частности, Н.Г. Стойко отмечал: «...если закон признает возможность недоказанности участия или неучастия лица в совершении преступления, то он тем более не может не признавать доказанности неучастия лица в преступлении» [10, с. 86]. Однако, по нашему мнению, такая позиция не может разрешить сложившуюся ситуацию, связанную с применением рассматриваемого основания, поскольку направлена не на устранение причины, породившей неопределенность толкования нормы, а лишь на разъяснение ее содержания и последствий применения.

Часть 4 ст. 251 УПК содержит норму, которая указывает на недопущение включения в постановление о прекращении предварительного расследования или уголовного преследования, в частности, по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 250 УПК, формулировок, ставящих под сомнение невиновность лица. Однако сама формулировка основания прекращения в связи с недоказанностью участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств, не соответствует указанному в ч. 4 ст. 251 УПК требованию, что требует законодательного разрешения.

По своим правовым последствиям недоказанную виновность законодатель приравнивает к доказанной невиновности. Однако при ссылке на основание, по поводу которого осуществляется прекращение уголовного преследования, необходима юридическая констатация положительно доказанного факта, что подозреваемый или обвиняемый «вообще никакого отношения к расследуемому преступлению не имеет» [8, с. 118].

Анализируя положительный опыт уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства при определении путей совершенствования рассматриваемого основания по отечественному законодательству, заслуживает внимание позиция российского законодателя, который, восприняв прогрессивные научные исследования, с принятием УПК РФ в 2001 г. изменил формулировку изучаемого основания. Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ одним из оснований прекращения уголовного преследования является непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. А п. 20 ст. 5 УПК РФ разъясняет термин «непричастность» как «неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления» [13].

Появившиеся исследования российских ученых после принятия УПК РФ 2001 г. указывают, что и обозначенная выше формулировка основания не является совершенной. Так, в своем диссертационном исследовании, посвященном рассматриваемому основанию, Л.Г. Лифанова поясняет, что одна из составляющих частей определения непричастности, содержащаяся в п. 20 ст. 5 УПК РФ, фраза «неустановленная причастность лица к совершению преступления» означает, что «причастность лица к совершенному преступлению не доказана, обвинительные доказательства полностью не опровергнуты, а все возможности для собирания дополнительных доказательств исчерпаны. Здесь можно ставить знак равенства между недоказанностью и непричастностью и, тем самым, вновь ставить под сомнение невиновность лица, в отношении которого решение принимается, и профессионализм сотрудников следственных аппаратов. И, следовательно, вся обоснованная критика недоказанности вполне относима и к непричастно-

сти» [4, с. 68–69]. Подвергая критике вторую часть определения непричастности – «установленная непричастность лица к совершению преступления», Л.Г. Лифанова отмечает трудность в определении выбора основания прекращения уголовного преследования, поскольку образуется конкуренция норм, связанная с наличием такого основания, как отсутствие в деянии состава преступления [4, с. 69].

Еще на один недостаток в разъяснении термина «непричастность» обращает внимание О.Н. Грашичева. По ее мнению, «неустановленная причастность» означает, что имеющиеся в деле материалы не могут служить основанием для вывода об участии в преступлении подозреваемого, обвиняемого, а органами предварительного следствия исчерпаны все возможности собирания дополнительных доказательств. При этом недостаточность доказательств участия подозреваемого, обвиняемого в инкриминируемом преступлении расцениваются как неустрашимые сомнения в виновности лица и в силу презумпции невиновности трактуются в пользу обвиняемого. В таких случаях уголовное преследование в отношении лица прекращается. Однако при этом выпадает такое лицо, как подозреваемый [2, с. 112]. Аналогичная норма предусмотрена и в УПК Республики Беларусь, где в ст. 16 «Презумпция невиновности» речь идет только о лице, наделенном статусом обвиняемого.

Обобщая подходы разных исследователей и рассматривая недоказанность участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств, как основание прекращения уголовного преследования в контексте УПК Республики Беларусь, с целью его более точного формулирования в тексте закона в соответствии с гносеологической, юридической и терминологической природой, выделим необходимые условия применения данного основания.

1. Наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, является первым необходимым условием, при котором возможно прекращение уголовного преследования по рассматриваемому основанию.

2. Поскольку пределом осуществления уголовного преследования является наличие достаточной совокупности доказательств, являющейся основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, после чего осуществляется функция обвинения, то прекращение уголовного преследования по рассматриваемому основанию возможно только при наличии лица, имеющего статус подозреваемого, что является вторым условием. В отношении лица, имеющего статус обвиняемого, в данном случае прекращается обвинение.

3. Третьим необходимым условием возможности прекращения уголовного преследования по указанному основанию считаем констатацию того факта, что лицо, подозреваемое в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, его не совершало. Возможны две ситуации. При доказанной непричастности лица к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, установлено, что подозреваемый никакого отношения к его совершению ни своими действиями, ни бездействием не имеет. В случае недоказанной причастности к его совершению орган уголовного преследования приходит к выводу о том, что имеющаяся в деле совокупность доказательств недостаточна для достоверного вывода о совершении деяния именно данным лицом. Обе ситуации различны по своему гносеологическому значению, однако приводят к одному и тому же правовому выводу – о несовершении подозреваемым того общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, которое выдвигалось ему в подозрении. В данном случае следует обратить внимание, что оценивается лишь деяние подозреваемого относительно того общественно опасного деяния, наличие которого уже доказано органом уголовного преследования. Вывод о несовершении общественно опасного деяния подозреваемым свидетельствует о том, что уголовное преследование прекращается только в отношении конкретного подозреваемого, а продолжается до установления лица, его совершившего. Сходную точку зрения еще в 1970 г. высказывал М.С. Строгович, который полагал, что в подобных случаях прекращение должно осуществляться «ввиду несовершения обвиняемым того деяния, которое ему вменялось в вину» [11, с. 175].

Для исключения конкуренции оснований следует обратить внимание на отличие прекращения уголовного преследования по рассматриваемому основанию от прекращения в связи с отсутствием в деянии состава преступления, когда деяние имело место в реальной действи-

тельности и явилось результатом действий конкретного лица, однако не является преступлением в силу действующего уголовного законодательства.

Как условие возможности прекращения уголовного преследования по рассматриваемому основанию УПК предусматривает исчерпанность всех возможностей для собирания дополнительных доказательств. По нашему мнению, нецелесообразно указание на данное условие в формулировке основания, поскольку оно обусловлено общим требованием, содержащимся в ст. 18 УПК, о необходимости всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. А следователь или дознаватель при вынесении постановления о прекращении уголовного преследования по рассматриваемому основанию в описательной части обязан проанализировать все имеющиеся в деле доказательства и показать их недостаточность для вывода о совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, конкретным лицом.

Выводы, сделанные нами, в той же степени относятся и к прекращению обвинения по данному основанию в отношении лица, имеющего статус обвиняемого. Таким образом, на основе проведенного анализа предлагаем следующую формулировку основания прекращения уголовного преследования либо обвинения, закрепленного в ч. 2 ст. 250 УПК: «несовершение подозреваемым или обвиняемым того предусмотренного уголовным законом деяния, которое выдвигалось в подозрении или обвинении».

С целью единообразного применения сформулированного нами основания полагаем, что соответственно должны быть изменены нормы УПК, касающиеся вопросов его применения при рассмотрении уголовных дел судами при вынесении оправдательных приговоров, внося соответственно изменения в п. 14¹ ч. 5 ст. 34; п. 3 ч. 1 ст. 357; п. 2¹ ч. 2 ст. 368 УПК.

По нашему мнению, приведенная нами формулировка основания прекращения уголовного преследования или обвинения гарантирует права и законные интересы лица, привлеченного в качестве подозреваемого, обвиняемого, более точно выражает категоричность последствий такого прекращения – констатирование невиновности лица и его полную реабилитацию.

Библиографические ссылки

1. Безлепкин Б.Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1972.
2. Грашичева О.Н. Прекращение уголовного преследования на предварительном следствии с реабилитацией лиц : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2009.
3. Давыдов П.М., Мирский Д.Я. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1963.
4. Лифанова Л.Г. Прекращение уголовного преследования за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2005.
5. Лукашевич В.З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям // Правоведение. 1968. № 4.
6. Резник Г.М. Оправдание за недоказанность // Совет. юстиция. 1969. № 15.
7. Сафронов Д.М. Обстоятельства, исключающие уголовное преследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Омск, 2003.
8. Соловьев В.В. Недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления как основание прекращения уголовного дела в стадии расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1990.
9. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / П.Ф. Крапивник [и др.] ; под общ. ред. К.И. Яблонскиса. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960.
10. Стойко Н.Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1984.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1970. Т. 2 : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР. Комментарий. / Т.В. Альшевский [и др.] ; под общ. ред. С.Т. Шардыко, Г.Ф. Басова. Минск : Госиздат БССР, 1963.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. федер. закона от 14 июня 2011 № 140-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : текст и пост. коммент. / М.С. Строгович, Д.А. Карницкий ; под ред. и с предисл. Н.Я. Нехамкина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
15. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. 4-е изд. СПб. : Обществ. польза, 1912–1914. Т. 1. 1912.

Дата поступления в редакцию: 20.09.2011